

Предисловие к статье Н.Б. Куроедова.

Занимаясь поисками материалов о двоюродном брате Сергея Тимофеевича Аксакова – герое войны с Наполеоном Николае Борисовиче Нагаткине, я нашла (на одном из Интернет-форумов) упоминание о статье, опубликованной в одном из дореволюционных охотничьих журналов. Статья прямо так и называлась, «Николай Борисович Нагаткин». Автором статьи является двоюродный внук Николая Борисовича Нагаткина, Николай Борисович Куроедов. Мне было очень любопытно, что и как написал один родственник Сергея Тимофеевича Аксакова о другом его родственнике. Саму статью мне, хоть и не сразу, но удалось найти. Напечатана она была в 1876 году в Москве в третьем и четвёртом номерах «Журнала Охоты», издаваемого под редакцией Л.П. Сабанеева, а написана, как следует из авторского примечания, в Уфе зимой 1875 года.

Статья Куроедова, которую сам автор называет охотничьими эскизами, посвящена, большей частью, воспоминаниям о Николае Борисовиче Нагаткине как об охотнике. Но временами она выходит за рамки просто охотничьих рассказов, приятно удивляя самобытным языком, рассыпанными (забытыми) народными поговорками и охотничьими присказками, философскими пассажами, описанием деталей быта того времени и замечательных картин природы Оренбургского края. Природные местечки описаны Куроедовым так образно и в деталях, что так и хочется поехать и посмотреть, что же там сейчас! Еще одна важная составляющая статьи, это запоминающиеся образы персонажей – охотников, жителей уезда в XIX веке. Некоторые из них играли полтора века назад заметную роль в жизни Бугурусланского уезда и губернии. Встречаются и неизвестные ранее сведения о судьбе некоторых героев произведений Сергея Тимофеевича Аксакова, и их потомках. Даже авторские сноски и примечания в статье иногда не менее интересны, в краеведческом плане, чем сам текст.

Представляю вам оцифрованные отрывки из этого литературного памятника. Я подвергла текст небольшой обработке, убрав яти и твердые знаки и приведя его ближе к современной орфографии и пунктуации там, где это не наносило ущерба самобытности языка автора. К тексту добавлено несколько моих комментариев в виде сносок {О.Т.}, а также для некоторых старинных и охотничьих терминов, выделенных в тексте жирным курсивом, расшифровано их значение в небольшом словарике-приложении в конце.

Я надеюсь, что предлагаемая вашему вниманию статья Николая Борисовича Куроедова добавит красок и дополнит ваши представления об историческом прошлом, в том числе о жизни героев Аксаковских произведений.

2014г. Ольга Титова, г. Екатеринбург.

Николай Борисович Куроедов
Отрывки из статьи
«Николай Борисович Нагаткин»

Отрывок1/стр.19-29/

Николай Борисович Нагаткин¹.

Посвящ. Владим. Васил. Куроедову.

Расскажу вам, господа, про моего двоюродного деда; про родного не стоит — он был не охотник². И расскажу не полную биографию сего ветерана времен Наполеона 1-го, а просто — напосто о его характерной охоте, — этой слабости, страсти, или как хотите так назовите то непреодолимое влечение к истреблению всего живущего, которое преобладает в нас с вами, иногда над всеми прочими желаниями.

Говорят, будто тут играет главную роль любовь к природе. — Не думаю; да и странно, как-то не вяжутся меж собою эти два слова: любовь и истребление. А поумствовав поглубже, придешь даже к такому заключению, что краса-то природы не редко ослабляет, так сказать, отбивает охоту, особенно не очень ярких любителей, пострелять, потравить и поудить. Проверим фактически.

Кто, например, из нас, господа, не испытал соблазна: отбросив охотничью сбрую, понежить усталое тело, напиться чайку на пригреве весеннего солнышка? Тут роца над тобой склонила едва зеленеющие ветви, с своим таинственным шелестом и стоном вещуньи-кукушки; под ногами луговина, будто бархатный ковер, расстилается вплоть до самого болотца у светлого озера, что как ртуть застыло, не шелохнется; и только быстрый бег верховки, да звонкие всплески донной большаги-рыбы тревожат его спиральною зыбью, приятно пугая уши неожиданностью. А за озером степи раскинулись, горы туманятся, сливаясь с безоблачною далью... Привольно, тепло и покойно; так и манит на отдых и негу. — Ну как тут не вспомнить про чайную флягу, с таганцем! — отличное изобретение: в минуту кипит и клокочет китайское зелье, с ямайской приправой; и, утопая на мягкой постеле красавицы природы, благодушествуешь себе донельзя, услаждая вкус, зрение, слух и т. д. ... А солнышко уже на склоне, за горы, — вздремнуть захотело. Откуда-то и облако явилось над ним, понависло эфирным пологом и зарумянилось. Быть ветру завтра, думается; а теперь как тихо, славно!.. Вон *бекас* заблеял, чертя свои воздушные вольты над болотом, утки крикают за камышами; на озере гуси сереются. — Дичи бездна, — и близко, и подойти отлично бы... Но как мирно все это наслаждается жизнью как я же многогрешный! — да и успею еще...

Нырнуло солнышко за горы, словно, в пряташки заигрывает; и поползли от вершин тени длинные — длинные, как языки фельетонных сплетников. Чем-то пахнуло от озера, свежо так пахнуло — и зарябили воды, с едва уловимым шепотом; запел соловей в уреме... Обаятельны до истомы эти майские сумерки: так и лежал бы весь век, не шевельнулся бы, созерцая природу-красавицу!..

¹ Сын Бориса Ананьевича Нагаткина, женатаго на Аксинье Степановне Аксаковой, — вдове Коптяжева, убитого в пугачевщину. — По рассказам стариков: „Коптяжев спрятался в русскую печь, заслонившись горшками, но забыл ружье у припечки; а по словам других, — неловко запрятал ноги с сапогами, почему и был найден бунтовщиками. Вытащили его и заставили переплыть три раза речку Кутулук, обещав помиловать; но при последнем разе не дав выйти из воды, убили. Аксинью-же Степановну спасли крестьяне, нарядив в сарафан: — они очень любили ее за несказанную доброту.“ От брака с Нагаткиным у неё, кроме, Николая, был еще сын Василий, женатый на А. Ф. Осоргиной и дочь Вера, вышедшая за И. П. Куроедова.

² {О.Т.} Дед со стороны отца, Иван Петрович Куроедов умер в 1814 году. Его автор (Николай Борисович Куроедов) не застал в живых, т.к. родился в 1835 году. Значит, автор имеет в виду деда по материнской линии, Кирилла Мармылёва.

Ах ты, косой чертёнок! — чуть шапку не сшиб зайчишка; и, прокортавив на выстрел от опушки, уселся хлупать лапками перед носом — фигура препотешная! Но уже дрогнуло ретивое охотничье и невольно тянется рука за двустволкой... А впрочем, успею еще: не миновать косому леса, вернется; я же пока полежу, полюбуюсь. И ведь какой уморительный, бедняга, точно влюбленный жених перед свадьбой! Да уж полно стрелять ли его весной-то? — непростительно, даже грешно... Тут безотчетно взглянешь на небо; а оно голубое, необъятное, близко так, тепло и любовно охватило тебя со всех сторон, вместе с лесом, озером, степью и всею далью юдольною!.. Сумерки гуще и гуще, небо синее и глубже; звезды блеснули, месяц затеплился, эхо звончей и торжественней; не достает только звуков Моцарта...

Но, чу! крр-крр! — то вальдшнеп над темной вершиною липы.— Жадно хватаешь ружье и торопишься. Да уж не поздно ли, голубчик? — И опять таки жаль этого волокиту беспардонного: ведь он тоже жаждет любви и покоя!

Нет, господа охотники! как хотите, не красота природы побуждает нас к кровожадной потехе.

I.

Тоже мне излагал и покойный дед; только своеобразно, отрывистой скороговоркой, сжато, сокращая даже буквы в слове. И резкая речь его имела ту особенность, что самая-то суть большею частью заключалась в конце, поражая своим неожиданным выводом, и пересыпалась всегда охотничьими терминами и сравнениями.

Кстати уже, обрисую прежде его наружность; хотя лучше и проще приложить бы фотографию. — Что касается до глаза, то — Дело кисти, по моему; А дело пера, что — до уха. Нарисуйте только, — говорить заставлю, двигаться будет, — жить...

Сознательно вспоминаю я деда с первого свидания моего, проездом на Кавказ, из Питера, в юнкера. Тогда ему было лет под семьдесят. Высокий, худощавый, но стройный, широкоплечий, с гладко остриженной, круглой головкой, бодро держащейся на жилистой шее; баки только до усов, табачного цвета, по-татарски подровненных; взгляд быстрый, серьезный; но до того добродушный и симпатичный, что невольно вызывает улыбку бывало; а самого его я никогда не помню смеющимся, тогда как редко, чтоб он любую фразу не закончил чудно, или потешно. — Манеры его были порывисто величавы, как следовало офицеру 12-го года.

Помню, сидел он на кожаном табурете, с круглыми очками на носу, в короткой пепельной хламидке, или хитончике что ли, по обыкновению за сооружением какой-то рыбачьей снасти; перед ним у окна, с клеткою скворца, некрашенный стол вроде верстака, заваленный рыболовными снарядами и инструментами; под носом *тавлинка*, с боку походная чернильница на толстой тетради дневника, о котором я поговорю, когда-нибудь, как об очень интересном произведении и не для одних охотников. Под рукой и шкафчик с книгами, более естественного содержания; на шкафе чучела зверей, птиц и даже высушенные рыбки. За кроватью, на стенке, — волчьи, лисьи, барсучьи и протчие шкурки; в головах охотничья амуниция, а в ногах, на самой постеле, — любимая борзая, Вьюга, ловящая без ухода и без *угонки*.

— Ба! здорово!.. Ты едшь на Квказ? — спросил старик, отстраняя меня рукою, которую я целился облобызать, по тогдашнему обыкновению.

— Дурак-драк! — поговорка его часто в ласкательном смысле, но на этот раз в досадливом — возьми ружье, ступай в Ибрякино, (чувашское село), скажи: вы не Чуваши, земля не ваша, вы мои крестьяне; тащите ясак в сто

заячьих шкур, не то сдеру ваши. — Чуваши взбунтуются, — стреляй: разбегутся, попрячутся, иль убьют тебя из-за угла дубинкой, как бешену собаку!... Кавказская война—разбойничья война!...

— Да помилуйте, дедушка!..

— Я не поп; тот милует... Тебя пустил отец? — и отец—дурак, и ты — дурак все — дурак!.. Если пойдешь, то не будешь внук Нагаткина, сын

Бориса, а — а пёсий сын!

Вот тебе и раз!.. Дед отвернулся к своим удильным аппаратам, ясно выражая тем нежелание продолжать со мною разговора.

Ну, дело плохое, когда уже — „все дурак!“ значит, осерчал старик не на шутку! Правда, он и ворчал как-то потешно. Но всё же я был глубоко огорчен и озадачен таким неродственным приёмом, тем более, что ожидал распростертых объятий, как любимый внук.

Дед, в самом деле, любил своего настоящего тёзку, как он звал меня; и главное, за то, что я непритворно сочувствовал ему в господствующей страсти к уженью, был ревностным учеником сего невинного искусства. Еще ребенком меня таскал он на р. Кинель ловить *синьтявок* для наживки жерлиц, и от души забавлялся, старый, моим шутливым увлечением.

— Весь в меня, весь! такой же скорый, пылай, сумасшедший!... приговаривал он, повествуя, как я, метнувшись за сорвавшимся окуном в воду, был вытащен им за шиворот.

И сколько хороших минут вспоминается из рыболовных походов моих с чудодеем—профессором!.. Да, не на шутку огорчила меня суровость моего дорогого дедки. Но вскоре я успокоился, догадавшись, наконец, что она напускная. — Он, как и отец мой, питал надежду: не убедить ли меня как-нибудь расстаться с безумною мыслию променять гвардию на Кавказ. Когда же дед, по своей проницательности, быстро уверился в неосуществимости своей надежды, то разом переменял тактику с своим бесшабашным тёзкой.

— Ну, чёрт тебя дри! собаке — собачья смерть; ступай. А все ж, чтоб ловчее было отгрызаться, вот тебе моя любимка — Ключгонталь. Заполучил ее в Шалон-на-Марне, комендантом; добрая сабля! не испортить; после крови смажь елеем... Помни деда, не осрами; а то не будешь внук... и т. д.

После чего сошлись мы с дедом еще теснее прежнего. И не забыть мне эти душевные беседы зимними вечерами перед затопленным каминчиком: чего-чего только не наслушался я от моего чуднова деда-охотника.

— Да-да, тёзка! природа иногда бывает дрянь, урод природа: буран, изморозь, туман, свету вольного не видно; весь скот в клевы жметя.... А мой Васька-шкурятник¹ в поле; на башкастом Чумане и с одной дубинкой. Глядь, везет волка, — два!... Что же его, краса природы, пурга-то эта, заманила на охоту, или шкурки что ли в самом деле? Нет, он любит их только на стенке, как память... и то раз смотал было их с похмелья: вишь, трофеи-то прежде штанов в глаза метнулись, а то бы он штаны спустил за шкалик. За это и дразню его шкурятником. — Но он волчатины не жрет, и живого зверя не грызёт: видишь, за ним бегают лисёнок, как кошка; — не любя зверя, не приручишь... Нет, не злой мой Васька!..

Добрый и, вправду, был этот бесценный товарищ охоты. Толковый, неутомимый, с чисто русской молодецкой сметкой; но жаден на зверя, и не клади пальца в рот — обцыганит. Да он и по наружности был тип красивого

¹ Так дед в шутку звал своего среднего сына. Чуман же был добрый конь-киргизец; особенно хорош в гонке зверя по глубокому снегу, где требуется сила и редкий наскок с высоким взмахом передних ног...

² {О.Т.} Василий Николаевич Нагаткин, средний сын Николая Борисовича Нагаткина.

цыгана; овальное, бледно-матовое лицо, с тонкими бровями и густыми, темными усами, из-под которых пунцовые губы, своей добродушно-лукавой усмешкой, так и манили на поцелуй, даже мужчину. Роста был выше среднего, талия высокая, движения ловки, энергичны, и ко всему этому, такая решимость и смелость, что не знавал я, да и нет, чай, другого такого; — вот уже именно сокол - детина!..

— Ну, так значит, манит Васю на охоту не природа, не шкурка, не мясо, не злоба; — так что же?..

— Что же, в самом деле, дедушка?

— Натура, внучек! Человечья натура — царская; царские и помыслы. Как ты шука ни хитра, ты, бекас, как ни быстер, волк, медведь, или там чёрт - дьявол, как ни силён, ни злобен; а я — человек; я вас всех умнее: найду, догоню, словлю, иль убью; — по завету Божию, я — царь над вами!

Призадумался я над этим философским речитативом, но возразить ничего не придумал.

— А кто из нас умнее, тезка?

— Я, дедушка, думаю...

— Что ты, внук? Мне же думается, что — я. А все эти Канты да наш поп, да Тошка-дурачок¹, — что они. И всем нам охота доказать это друг другу словом и делом; только не кровью и смертью, как зайцам... Но есть люди, что и на людей не похожи: царить над царями охочи; сами себя травят, безбожники! брата готовы *отпазанчить*; и будь только шкурка на нем медвежья, или бобровая, на стенку повесят; хуже: продадут, иуды, скорнякам сбудут!.. И все эти охотники на людей: Каины, Разины, Наполеоны, — все людоеды - шкурятники!

— И Суворов, дедушка? кольнул я его любимцем.

— Врешь! Суворов — добрый, борзой только; и любой истый солдат тоже... А вот ты — выборзок, Борин² Валетка! не берут на свору, так к гончим урвется, мышует по опушке, высуня язык, без толку, ни дать ни взять ты, тезка! Ну, зачем идешь на Кавказ? ведь тебя не ссылают, на свору не садят? — Вот и вышел Валетка!

Не вкусно, а должен был проглотить, прикуся язычок и скрепя сердце.

Так думал, так и поступал дед, неизменно на всяком охотничьем поле, а над подводным царством — в особенности.

Ружье он не всегда долюблывал, хотя и говорят, что в юности, когда не изменяли ему глаза и ноги, он слыл егерем не из последних. Да и под старость был не прочь от компании на такую стрельбу, где главная удача зависела от самого охотника, или смышленности собаки, а не от одного боя ружья.

— *Фузья...* Гм-гм!... Наша кривая стряпуха Матрена наступила на конец железной кочерги; та, конечно, другим концом — шлёп ее по лбу! рывкнула баба, да, бац кулаком! — рука в дребезги, и вой на весь дом; всех напугала.... Злая дура, но сильная дура! — Охотник с ружьем всегда помни, что «*не ложкой, — а едоком*».

Не плоха и эта притча, как видите; в поговорку вошло у нас звать ружье или охотника, при случае, матрехой или матрешкой.

Не терпел дед и зря палящих: сорок и ворон стреляющих; и прозвал их бухалами, — туземное название выпи. Вот это как было:

Несколько горячих егерей, после серьезной и добычливой стрельбы, подходили к деду, сидящему уже за охотничьей закуской на пригорке, у высохшего болотца с редким тростником. На грех, с этого болотца поднялась целая стая *нетегелей* — и пошла баталия у молодежи!

— Стой! перестань! драки! скоты!... раздалась команда взбешенного деда. Послушались, разумеется, — его все уважали; подошли с повинной.

¹ Стремянной его мальчик

² Старший сын

- Воронники! Сорочники пустолобые! ну зачем даром бьете эту тварь?
- Да ведь ее едят же...
- Изжарь и щепку в сметане — вкусно; жри и подавись, ради вкуса!..
- Врёте, не из этого вы палите...

В эту минуту, как нарочно, гулко раздалась по вечерней зорьке богопротивные стоны выпи.

— Бухал—вы! вот что. — Вон, слышите, ваш двойник-товарищ отзывается — бухнет, как чёрт в лужу ухнет, и сам себе дивится: как это я, дескать, громко так, славно!... Ведь это все одно вот: — взял фузею на плечо, дулом к...затылку, и — бух!

Исполняя слово на деле, дед выпалил.— И, можете представить такую счастливую случайность, два *веретенника* из густой стаи шлепнулись сзади деда замертво!?

— Гм, видите? и Бог за меня, и дура-фузея тоже! С этого времени гривку прозвали Нетегелиной.

Вот дельных охотников, ловких, смелых и с хитрецей вдобавок старик уважал.

Раз собрались на бекасов: дядюшка Василий Николаевич, Чепурнов Иван — мой брат двоюродный¹ и я.

— Взглянуть, как Вася с Ваней и Мордовка² с Шельмой спорить будут. Собаки добрые, и кобели по ним: лихо стреляют, и места, и приёмы знают; — люблю, — пойду!

И приехали мы в Богатую Луку ранним утречком. Денёк выдался серенький, пригодный для всякой охоты. Место недаром так названо: действительно богатое; тут речка Кинельчик (Малый Кинель, по географии), делая петлю, версты в четыре, заливаает весной всю эту луговину с камышистыми озерами, мелкой уремой и кочкарными болотами. Нагорный лесистый берег далеко и круто отходит полумесяцем; а противоположный, степной, граничит с поймой своей, двух саженной плоской возвышенностью — и тоже огибает луку, на манер подковы, в самом узком месте, где чуть не сходится Кинельчик. Таким образом, выходит просторная круговина для охотничьего поприща. Но самое то бекасиное болотце, со ржавчинкой, тянется узкою каймою под увалом этой натуральной подковки, и со стороны Луки опушено куртинами густой чилиги, богородской травки и разного мелкого кустарника. Так что старому егерю, шедшему по самому увалу подковки, с левого фланга нашей охотничьей фаланги, вся стрельба была видна, как на ладони.

— Мудрит, Чепура: зашел от солнца, да забыл про тучки; оно сейчас опять спрячется; а стрелять все с левой руки вправо придется, неловко, дурак-драк! Вот Васька ловко рассчитал: всегда выберет тропу так, что наступает на птиц, и от Вани лёт ей в кусты через него же, и переда забрал, мошенник! Этот набьет больше.

Я шел середкой, отстав маленько и без собаки, в роли посредника — чтобы решать споры при одномоментных выстрелах: дело нелегкое. Конечно, и сам не дремал. Но, как ни быстра была моя взметка ружья, а сосед справа не давал, как говорится, мне хода; слева же — донимал меня верностью глаза.

Чепура этот стрелял злодейски, особенно в одиночку, когда его не приводила в азарт чужая удача; и ходок был здоровый; места знал не хуже самой дичи. Но падок был на добычу анафемски! Сколько сцен выходило из-за этого. Человек он был среднего роста, средней красоты и средней нравственности. Несмотря на седлистую талию и легкую сутуловатость, его

¹ {О.А.} Чепурнов Иван Петрович. Мать его, Глафира Ивановна Куроедова, а в замужестве Чепурнова, была родной тёткой автора рассказа, Куроедова Бориса Ивановича.

² Сука не чисто, но отчасти маркловской породы, за что и прозвана Маркловкой. А дед, как любитель давать свои клички, переделал — в «Мордовку».

кроткое благообразие очень нравилось более мечтательным девам, до которых он был смертный лакомка, за что и получил прозвище моего легаша Дельфинки, такого же сластолюбивого прихвостня. Всегда тихий, осторожный, затаенный, он не смеялся, а хихикал; не плакал, а гнусил, не кричал осердясь, не дрался, а шипел и жалил, не как премудрый змий, а как благая муха. И все же с ним любили охотиться: как-то приятно, хоть и накладно, было потягаться с таким метким стрелком и жадным охотником; конечно, не мне только, — я тогда едва начинал свою егерскую карьеру.

Охота шла без особых приключений, и вышла бы скучновата, разумеется, если б не стала перемежаться маленькими анекдотцами, вроде следующих:

В узких местах болота приходилось идти плечо о плечо; и выстрелы соперников стали сливаться каждый раз; узнать, чей в дичи — невозможно: обоим приходилось бить в угон, однономерной дробью. Ваня то и дело попискивал: «мой, мой!». Решили делить добычу по очереди; но это невыгодно было Нагаткину. — На стрельбе красной дичи с подъему, где так важна быстрота взметки, он был лучший стрелок в околотке. Чепурнов всегда перед ним опаздывал, а тут, что ни выстрел, то вместе да вместе!?! Чудно и мне показалось это. Морщился дядя, морщился, и не выдержал, наконец:

— Ваня! ведь ты lupишь в царя небесного, аж бы только успеть за моей взмёткой.

Ври, дядя! не ты ли полно палишь без дробь, ради экономии надеясь на мой глаз: наверняка, дескать; а дробь-то деньги стоит!

— Ну, ладно... — промурлыкал Ваня, подходя ко мне закурить носогрейку.

— На дробь: смотри, буду и вправду палить холостыми; а ты не стреляй, шепнул он, отходя.

Штука дяди удалась как не надо лучше: на первом же бекасе оба выстрела грохнули разом; — «мой, мой!» загнусил было Ваня. — А бекасик улепётывает себе, по добру, по здорову, преблагополучно пофыркивая, будто посмеиваясь! — Дружный наш хохот смутил Чепурнова.

— Ничего, внук, ничего! — Всяко бывает: иногда и Васька *пуделяет*; ну, а тебе и Бог велел, Бог простит! Утешал насмешливый дед с косогора.

— Да ведь мой-то пудель у Коли, в кармане. — Покажи-ка дробь-то, — кричал Вася.

И снова, неудержимый раскат смеха заглушил бранчивое шипение неудачного мудрилы; даже серьезный дед загмыкал себе под ус:

— Гм, гм! ничего, за дело, за дело! хорошо, люблю!..

Решили было стрелять по очереди; но эта скучная материя деду не нравилась. Положили бить из-под своей собаки только; чужой дичи не трожь, как прежде; мне же позволялось всякую, на правах бессобачного. Ну тут дяде Васе приходилось совсем плохо: хотя у его Маркловки чутье было верное, верхнее и дальнее; но сеттер — Шельма много брала ногами, чертовски была *пората*; рисовала свои неочертимые зигзаги на всем скаку, без усталости, давая стойки то и дело, всегда прежде Маркловки; и, надо правду сказать, верные делала стойки, мертвые, в прекартинной позе! И выстрел все Ваня, да Ваня...

Покрякивал дядя, похмурился; однако ненадолго. — Видим мы, Шельма стала искать, что-то вялее, будто нехотя и беспрестанно оглядывается, только не на хозяина, а на соперника; все жметса ближе к дяде.

Что за диковина? Сорвала раз, подняла без стойки пару. — Одного ухлопал Ваня, другого дядя. — Остановились для заряда все, по обыкновению. Вижу, Шельма так и юлит около дяди. Я, как меньше всех заинтересованный в деле охоты, да и не занятый заряданием, как Ваня, был похладнокровнее и, следовательно, наблюдательнее; от чего мне и удалось подметить незамысловатую штучку, настоящую цыганскую: рука дяди Васи

украдкой протянулась на одну секунду к морде сеттера, и в этой руке мне почудилось что то красное, кровавое.

«Ага, приятель! вот оно что», — смекнул я, припоминая завсегдашнюю привычку его на охоте: носит флакон сивушки с кусочком ветчины, столь вредной для чутья лягавой! Сказать-то ему прямо было совестно, признаться; я подошел выпить водки, и пренахально забрал себе всю закуску.

— Обжора! оставь мне маленько.

— Тебе вредно, милый дядя! больно пьётся с соленого-то. Я же ведь в понятых у вас; мне хоть и чутье отобьет, не беда: твоя Мордовка выручит, проговорил я, подмигивая, — мотай, мол, на ус!

— Нну, поддень же, Колька!.. Молчи только, пожалуйста: Ваня сам передо мной свинья, как видишь; а я люблю невестке на отместку!

Не совсем согласен был с дядей я, но все же сдержал секрет в тайне. Да от опытного и проницательного дедуси не укрылась эта злодейская выходка, как мы увидим после.

Болото подходило к концу. Переместившаяся дичь пугливо стала взрываться далеко, чуть в меру только для Нагаткинского Старбуса, достававшего через десятину стрепетов, на моих глазах; а полным зарядом этот единорог бил баснословно, по словам деда, через десятину диагонально хватывал. Поэтому у дяди для каждой дичи и дистанции был особый заряд. — И, надо полагать, он понадбавил его порядком: где ни взорвётся — лежит! Ване приходилось жутко. — Но, видим, потом и Чепура стал укладывать на презрительное расстояние. Дивимся, а догадаться не можем. — Только вдруг слышим голос с увала:

— Ванька шалит: по два зараз палит!

— Так уж ли же мне молчать перед этой чертовой пукой, дедушка?! Ну, конечно, я покрупнил дробь и валю в два ствола разом; теперь пойдет ровнее.

Довод логичен, Ваня был прав, по-моему, что подтвердилось и гласом свыше, то есть с увала.

Прошли подковку. Из самого конца взорвалось разом с десятков бекасов; никто не пропуделял.

— Bravo, bravo! — бормотал старый, спускаясь к нам для обзора добычи. У дяди оказалось двумя парами больше Чепурнова; у меня — треть его количества: семь носастиков. — И то слава те, Господи! я был на седьмом небе; особенно когда получил всеобщее, столь поощрительное одобрение, при возгласе деда.

— С полем, тезка! исполать тебе, молодец! — Ты чужой дробью дичи не бил, по два разом не палил и ветчиной собаку не кормил; твои семь дороже их семидесяти семи... Ну, а всё же грех похаить и этих ребят: оба — молодец, оба; даже и Мордовка! — Вы стреляйте; я же проеду на Авдюшин нос, к двум затонам, поудить. — Собирайтесь к вечеру там. А ты, тезка, чай со мною? я для тебя запасаю твоей заморской удой; кстати, похваляюсь новым напловом.

II.

Понятно, я не смел, да и не думал отнекиваться; любил и люблю эту созерцательную забаву, чуть ли не больше всех прочих охот. Чего бы, кажется, веселого: торчать над водою пеньком, с сучком в руке, выпуча глаза на глупую пробку; точно весь мир в ней сосредоточился?! Многим смешно и удивительно: «Что, дескать, за терпение немецкое у этого автомата, уныние наводящего!» Но какое тут терпение и уныние — его и в помине нет! Тут самое живое, напряженное состояние, борьба чувств: и робкое сомнение, и радостное, хотя часто тщетное ожидание, — «вот-вот клонет! сейчас поташу... Какая-то рыба, чай, огромная?.. Не сорвалась бы; — да, — нет, у меня ли сорвётся!..» Вечная с трепетом сердца надежда, как самая рыбка

животрепещущая! Ведь это жизнь, господа, и какая жизнь?!.. Нет, не кабинетному флегматику понять рыболовский экстаз моего вечно юного деда-сангвиника! И еще смеют смеяться над нами рыболовами, — профаны!

Однако надо докончить этот денёк без отступлений; он и то не короток: я нарочно выбрал такой, что по счастливой случайности резко выделяется из прочих дней своим разнообразием. Как видите, от стрельбы переходим к ужению.

Сели мы, в, так называемую, люлю, или люльку — меж длинейших дрожин коротенький кузовок: низко и качко, как в зыбке: так и клонит ко сну. И заснул бы непременно, если бы дед, под влиянием егерских впечатлений, не речитативил без умолку. А путь был не близкий; долго мы шагом кружили, огибая болотцы, да *ерики* — пока, перебив луку диаметрально, не подъехали к Кинельчику.

В это время далеко, где-то за нами, раздались два глухих выстрела и за ними третий, как из мортиры.

— Слышишь?. Первыми пропуделял Ваня, а последним Вася прикрыл; что бы это только такое?... Ну, брат, тезка! закалялся я с тобою на порядках; слову ж — час, а делу — время. Вон и мой излюбленный нос на виду; надо издали повысмотреть местечко, как удобнее будет по ветру и от солнца: не люблю когда в глаза он лезет. Вишь денек-от разгулялся к полудню-то!... Да, да, и место в охоте не меньше время значит.... Люблю мой родной Кинельчик! приволье кругом: луга и горы, леса и степи, — просторно!... Но есть, тезка, еще места богаче наших; царские места. Это под Уфой, около пристани на Белой, братьев Топорниных, что сродни еще нам, по жене племянника, Александра Нагаткина¹. Не обрисуешь этого раздолья ни пером, ни красками! Особенно озёра, с протоками в Белую, — что за рай земной для нас бы с тобою там, внучек! — Завещаю: непременно поживи там, поудь, поохоться, ради памяти обо мне, старом дурне! Дед же твой полюбуется на тебя сверху, или снизу, — уж откуда придется, с того света.

Обещал я и крепко сдержал завет старика: пожил, в сей охотничьей Палестине². И с вами, господа, поделюсь свежими впечатлениями этой жизни, отчасти и общественной... Но о будущем после, теперь же прошлое dokonчим.

Намалюйте, в самом деле, красно-бурый нос, в лежачем положении на левой ноздре, значит — кончиком вправо; и пририсуйте верхнюю губу, с загибом: будто поцелуя просит, или гримасу строит. Над голой же, толстой бровью зеленый козырек из тростника, с лопухами водяной лилии, — параллельно хордообразной поверхности носа. Чертите в таком масштабе, чтобы прямолинейная низовина сего маленького члена равнялась сажням пяти, не более. Вот вам и Авдюшин нос! Верхняя сторона его, почти до острия кончика песчаная, сходит к воде на нет, как выражаются закройщики, — полого; а нижняя, суглинистая, обрывом четверти в три; так этот обрыв и загибается ноздрей, в виде французского S, чуть не до переносицы. От самого же завитка ноздри кудрявится черёмухо-таловый ус по губе, образующей между носом бухточку, — тихий, глубокий омут. С другой стороны, под нависшей хмурой бровью, тоже затончик, только не так глубок и с легким теченьем, под прикрытием тростникового козыря, длиною почти во весь нос, у кончика которого — самое русло реки и быстряк... Уж именно

¹ {О.Т.} Племянник Н.Б. Нагаткина, Александр Васильевич Нагаткин был женат на Вере Андреевне Топорниной

² {О.Т.} Мне удалось отыскать следы пребывания автора рассказа в гостях у Топорниных под Уфой. В МК Покровской ц. села Стефановка (владение Топорниных) обнаружилась запись, о крещении в январе 1873 года дочери Андрея Васильевича Нагаткина, Ольги. Одним из восприемников был помещик Н.Б. Куроедов. А спустя месяц, 9 февраля 1873 года в Спасской церкви Уфы состоялось венчание Николая Борисовича Куроедова и Софьи Александровны Нагаткиной, дочери Александра Васильевича Нагаткина и Веры Андреевны (Топорниной).

обетованный носина? В жизни я не видывал такой удобной для рыбалки местности по своему разнообразию, — на всякую рыбу и всякой снастью.

Отрывок2/стр.33-34

... Лов начался счастливо: пока старик рассаживался покомфортабельнее, я без всяких затей успел наживить *себелька* и забросить; чуть пала рыбка в воду, как окунь заглотил ее, по выражению дяди, с ходу, и я выволок четверти в полторы, голубчика!

— Хорош — хорош! Молодец! — Ну, теперь похвалюсь тебе обещанной выдумкой. Ты знаешь, я все люблю, даже и поплавок со смыслом; — видишь?

Подавал он мне изящно им же самим вырезанного Наполеона, из пробки, или *осокори* что ли, — ярко размалёванного масляными красками, в неизменном виц-фраке, треуголке и со сложенными на груди руками.

— Как лежал он на о. Елене, — пояснял дед. — Но там был под спудом, бедняга, а у меня на вольном свете веселиться будет, грамблян проканканирует; только по моей дудке, как других заставлял, пройдоха!

И дед, прикрутив Наполеона за горло лесой, насадил червя, с приговором: — вот тебе теперешнего тёзку твоего в компанию, — и забросил.

Все это делалось пресерьезно, без улыбки, почему вышло еще комичнее, когда клюнувшая рыба, заставила маленького капрала привстать вверх ногами!... Плавно покачал он ножками с боку на бок и потом порывисто, судорожно запрыгал, тыкаясь трехуголкой в воду.... Ну, я вам скажу, господа! как не уважал я моего почтенного чудилу, а тут так-таки и покотился со смеху, не вникая его барабанному аккомпанементу.

— Аа-ага! Ловко, брат, ловко! — Хоть не по-русски, а все ж впрыскаю!... Что, разбойник, вкусно!?! Ты Россию мучил, сгубить хотел.... Ну так и я ж теперь тебя помучаю, и утоплю!... Но прежде всласть помучаю: окунь сорвется, — не пожалею; а ты мучайся, казнись подольше!..

— Дедушка! Да вы лучше бы живого, нынешнего-то¹, Луи протанцевать заставили... А ведь, говорят, и в племянничке есть дух дядюшкин?

— Да, да, внук! Да, в нем есть дух Наполеона, есть — только... во рту падалью душит от того и от другого, как от сытого волка.

Вот тут и извольте не засмеяться!... А Бонапартик все ножками кверху, да кверху.

— Уж сжальтесь, дедушка, хоть ради бедной рыбы!

— Нет! Он сам никого и ничего не жалел, даже себя, из-за честолюбия; ну и я не пожалею его, даже из-за окуня.

Однако судье угодно было пощадить непримиримого врага моего ярого патриота: с дребезгом забренчал колоколец на жереховой блесёнке; и дед, быстро вымахнув обоих страдальцев, т. е. Наполеона и окуня, на берег, как ошалелый зашагал, спотыкаясь, к быстряку.... Знать, рыбка-то свое взяла!

И картинка же была поза его, с громадным удилищем в руке, так же, как и он, в коромысло согнутом! Рыба, видно, села не маленькая: неистово металась во все стороны, как злобный пёс на цепи; то, завернув по быстряку, упрямо тянула ко дну; то, разом ослабив и молнией скользнув против течения, уже опять туго рвалась к другому берегу.... Долго наслаждался старый молча, сосредоточенно; да и боялся-таки, не умаяв рыбку, подводить близко к себе, или отмели, как бы леса выдержала. Наконец, подтянув ее разными зигзагами аршина на два от берегу, перехватил лесу в руку, в другую сак, ловко подсёк и лихо шлёпнул на песочек, аж крякнув от удовольствия!...

— Вот так рыбка!... А что, внук, с аршин, чай, будет?

¹ Это происходило в пятидесятых годах еще...

- Будет, дедушка!..— Без четверти, себе думаю...
- А добрая, добрая! и блесёнка— тоже: больно уж натуральна, чисто живая. ! Но я все таки спущу теперь на синьтявку: что ни толкуй, а природа все же живее искусства... А речного пса (жереха) сади на свору — на кукан¹
- Да не лучше ли в садок²: скорее будет и — живее рыба?
- Этого то и не надо: дорогой все ровно заснёт, и на еду пойдёт. А в садке я только тех держу, которых потом на волю пушу; за то, что позабавили мою царскую натуру, покорились человеку.— И я доволен: живи опять, и веселись, как я же! Но самоеда съем сам; потому его на кукан. Вот окунишек малых тоже выпущу; к этим я слабость имею: хоть и обжора, да молодец рыба! смела, нецеремонна, когда хочешь, утешит.— И больших бы выпустил, да Катяз кушать любит.

Отрывок3/стр.4

... Старых собак не покупай, не то обругают Племянниковым: тот к осени купит, на зиму повесит; не охотник, значит, — живодёр. Впрочем, в поле он малый веселый. Выбирай щенками: лягаша— по щипцу, да по ушам, гончурку и борзова — по правилу и ногам, а всех — по рубашке: сына — в мамашу, дочку — в папеньку. Но пуще всего — чтобы милые родители были без лигатуры... Сеттера, пойнтера *et cetera*, — не дурны, а наша старушка, настоящая Маркловка, лучше... Только если найдешь такую, я мордовку сбуду, а у тебя возьму щенка. Гончие, смотри, все эти арлекины и разных наций-сыны, по-моему, не стоят одной доброй Кравковской⁴... В ней все: добычлива, верна, *парата* и жадна, и на приездку податлива... Словом: любая на всякого зверя — вожак!... Пара смычков на весь Муром хватит!... Борзова, пока, возьми у меня: от Вьюги⁵ и вашего Колчана⁶. Но, если отыщешь у кого псовистее, — со мной поделись...

Отрывок4 /стр.5

... — Ну, а лошадь купи себе в Бугульминскую ярмарку, с двадцатой версты, на скачке, — продолжал дед назидательным тоном. — Она будет у тебя сильна и резва, посовиста и кротка, как раз по нашим местам и охоте, — в степи и на перемычке, по черноstopу и в гонку. Только попроси выездить Носа-Черпунова; но чтобы не приучал плясать, как ногу в стремя: собак передавишь на своре.

При имени Чепурнова, не могу воздержаться от небольшого отступления. Это младший брат описанного Вани, — Николай, прозванный так за свой

¹ Кукан – бичевка, на одном конце которой, вершковая палочка поперёк привязана, на другом спица, для продевания сквозь жабры.

² Сплетенный из таловых прутьев куб с дверкой.

³ {О.Т.}Жена Н.Б.Нагаткина, Екатерина Дмитриевна ур. Серебрякова

⁴ Помещик, Кравков, по любви к воспроизведению и поддержке, лучших пород собак и толковой езде, звался, в нашем краю, Атаманом охоты.

⁵ Есть предание, что дед ещё из похода 12-го года, вывез вместе с француженкой и щенную суку, — какой породы и откуда, неизвестно. Продолжал же он эту породу от Вьюги, подновляя Кравковскими и, отчасти, Тимашевскими кобелями, выведенными из помеси с волками, как толкуют наши старожилы.

⁶ Волкодав моего отца. Из Бугуруслана его возили в Симбирскую губ., на большое пари (кажется П. В. Бестужева с кем-то): может ли борзая взять волка в одиночку так мертво, чтобы охотник мог принять его из под собаки без ножа, и пари было выиграно Колчаном.

античный нос: до того симпатичная личность, что, при одном воспоминании, так и хочется обнять его. Говорят, человек, не имеющий врага, подозрительно-опасен? Вздор это говорят, мне кажется: Николай Чепурнов был общий, если уже не друг, то закадычный приятель. Наружностью... Припомните, господа, кто видел, головку Гейне, с опущенными веками, — я до сих пор поражен сходством портрета Чепурнова, снятого перед смертью. Да он и умер части от той же слабости, которая была причиной смерти поэта. Но господствующая страсть покойного была — борзый конь, да резвый пес, при доброй компании, для которой он готов был вынуть душу, — царствие ей небесное!..

...

Там же далее.

... Тебе не рассказывал твой батька-Борис, как мы с ним, такими короткодулками полевали гусей по-казацки?.. Бывало, стакнёмся вчетвером: хромой Гетман и юла Быхчев¹ с нами. ...

Отрывокб /стр.9-11

... А 1-е сентября он встретит, по обыкновению, с помянутым триумвиратом. Не откажется от приглашения толкового соседа: на денёк-другой в гости с охотой; и сам рад - радехонек веселому гостю, хоть на всю осень. — По году и больше засиживались нахлебники; дом его славился приживалками... Но на всю осень сам в съезжую — ни с кем не согласен! — От добра — добра не ищут! Мест своих немало, добрых и нетронутых: Васька бережет, а с ним шутки плохие; сам мастер до слёз подшутить!.. Зверя много; вытравлю, не хватит, к Борису поеду; с ним и в отъезд, пожалуй: хоть сам он старшой будет, а дядю не забудет; вспылю — уважит, и в первом лазе не откажет...

Вот в этой последней фразе и скрывалась главная причина настоящей антипатии его к съезжим охотам. Во время же оно, дед, говорят, был душою этих съездов; не диво: был он такой толковый и лихой охотник, что даже сын Вася, столь популярный в нашем охотничьем мирку, только напоминал его, как выражались старожилы, добавляя при этом, что: «не знавал он неудачи, да и мы не упомним; всегда — с полем, везде первый!..» Поневоле, при такой поощрительной обстановке, все сильнее и сильнее развивался и креп его своеобразный, не терпящий властей, горячий характер, и доходил до вспыльчивости; да при удачах все сходило, — не на что сердиться было... Но время шло и шло вперед, а человек — по-рачьи. Старел Николай Борисович, дряхлел и устарелся до того, наконец, что глаз стал фальшивить, рука изменять; словом, все тело, как не свое, — чужое стало, и конь — уж не тот, и пёс не тот...

...

...отец мой был очень привязан к Николаю Борисовичу, не по одной обязанности родства, а и от чистого сердца, оказывая уважение. Теплой души был покойник, рубаха-человек, как говорится; что не мешало ему быть

---

¹ Г. И. Пыхчев, сосед помещик и Н. Н. Самойлович, женатый на сестре моего отца, вместе с последним составляли охотничий триумвират, когда-то неразрывный...

умником того времени и — разнообразно талантливый господином. При замечательной красоте и высоком, стройном росте, он был недюжинной силы и ловок, как гимнастер; первый танцор, музыкант, отчасти композитор, даже певец.... Словом, по общительному и нескучному характеру, любимец всякой компании, особенно женска-пола.... И слабенек же был сам покойник—к этому лакомству очень уж падок!... Служил в военной, потом предводителем дворянства и, наконец, первоначальным деятелем при освобождении крестьян, которому непритворно сочувствовал, хотя эта искренность и ускорила его финансовую катастрофу... Но, я нехотел увлечься слишком близкой для меня личностью. Не взыщите, гг. охотники! Я должен бы сказать только одно, что отец мой был страстный стрелок и борзятник, один из толковейших нашего околота.

Не уступал ему в последней страсти и Николай Николаевич Самойлович; но, по телесным свойствам, особенно по болезни ноги, не мог угоняться за его удачами. Зато поумствовать, помудрить на охоте, был великий мастерище; и мудрил дельно, тонко, под маской простодушной откровенности, как истый хохол; да и наружность, манера, склад речи, — ничто не изменяло его малоросской породе: чисто пан вислоусый! И неудивительно: много лет прослужил он уланом в Украине. Особенно замечателен был красноречием охотничьего жаргона.

Кстати, и об остальном триумвире: Григории Ивановиче Пыхчеве. Это слишком не мелкая личность, по своим обширным, многосторонним способностям, для того, чтобы уместить его подробную биографию в моих легких очерках. А жаль, да делать нечего — опишу как, смогу, покороче. — Был гвардеец, предводитель дворянства, председатель земства, и, вообще, завсегдатель, — герой - воротило всех выборов дворянских и сословных. Деятельность его, не столько служебная, как общественная и частная, изумительна; энергия — безустанная: бессонная натура! Это живое перпетуум мобиле; это: с исполинским духом маленький человек, без тела, — лишь кости да жилы! Недаром Нагаткин его прозвал юлою. Охоте предан был сердечно и толково, но пылок был и нетерпелив до крайности. При всем этом, в самом серьезном деле, не мог обойтись без комизма, без шута и вышутки; но не так любил одурачить природой обиженного, как одурачить до смеха неглупого, да злого, тяжело-характерного субъекта. Грешили в этом, помогая ему, и остальные приятели, также сосед В. В. Племянников с Ф. П. Стрелковым.

А такого комика - рассказчика я и на сцене не слыхивал: уж очень мастерски он принаравливал мимику и дикцию к обстоятельствам и лицам анекдота.

...

Отрывок 7 /стр.19-24

... отец¹ до безумия увлекался гонкой. Раз, после двадцативерстной скачки за волком, по ранней пороше, он припёр его к Кинелю; зверь с отчаяния махнул на чуть подернутую льдом речку и рухнул с головою. Отец не задумался, как был в *ергаке* и таких же шальварах — за голенищами,

¹ {О.Т.} имеется в виду Борис Иванович Куроедов

бухнул на волка, отколол под водой, выволок, и привез в ближайшее сельцо Подколки, к Самойловичу. Здоровый пунш да баня предупредили неблагополучие. Но часто и не даром ему сходило волкодавство; был такой случай: наскочав на волка, Батыр, по обыкновению, пригнул голову, и отец знакомым путем скатился через шею; но, поскользнувшись, упал и промахнулся рукой — вместо уха — в пасть зверю, прижав в то же время левым боком нож. Крепко сдавив правую рукою глотку волка, отец левою крутил ему язык, затрудняя дыхание, и таким манером имел терпение, не крикнув, задушить зверя насмерть. Зато рукою промаялся более полугода. Да и не перечесть всех его волчьих покусов... Однако я опять увлекся; что делать, слабость сыновняя. Не взыщите господ! ...

Немало зверя брал дедка¹ и по порошам. Уже очень удобно было ему: другим надо с полуночи подниматься, чтобы успеть к рассвету на места, а у него все - то на виду да под боком. Через Кинельчик только — и, кроме своих колков, тут же Кокошеевские, Кирюшенские, Пополутовские, Канабеевские места, Пилюгинские *уремы*... целые горы и доли лесного приволья! По сю же сторону реки, от самых окошек, все степи, да степи неоглядные... А летом-то, экое раздолье, эти степи! Чуть глаз обнимет — и все то ковыль и ковыль, словно волны на безбрежном просторе, колышется, с переливами из светло-зеленого в темно-желтые тени; хороши эти степи бесконечные!! Да, на счастливом местечке было свито дедушкино гнездышко!

Но порошную езду сам дед давно покончил; разве по разику в год, бывало, выедет, полюбоваться только — в санках. А верхом его просто-напросто силком не пускали, после того, как раз он в холодную, сырую порошу, увлекшись съездкой русака, далеко отбился от охоты, умчавшейся за зверем, поднял зайчишку, затравил, сполз с лошади отпазанчить, да так и остался в глубоком снегу, не могли взобраться на лошадь: чуть не задрог, бедняга, пока его хватились! Прозяб до горячки. И тут опять со смехом горе: стал выздоравливать старик, да дело было в Пасху; — подметил он в растворенные двери, как в другой комнате спрятали в буфетный шкаф убратого от закуски поросенка в сметане, — любимое его блюдо; соблазнился: сполз с кровати, на четвереньках добрался до поросёнка, и, съев его всего, тут же у шкафа обезпамятел. Открылась возвратная горячка; опять бред и, в виде предсмертной, икота. Лекарь только рукой махнул!..

— Что это вы, дедушка, разхилелись! Поправляйтесь-ко скорее, да на охоту отправимся, — утешал его один из посетивших внуков.

— Игм, нет — конец!... игм, шабаш!... бормотал, вперемежку с икотою, дед: игм, в колок бросили стаю.... погнала По-красному.... дружно выставила зверя.... все гончия на хвосту.... игм, одна осталась.... игм, сейчас выйдет....

Однако эта одна сейчас не вышла; могучая натура ветерана пересилила. И опять старик воссел на своего конягу-иноходчика, с Вьюгою на своре; но уже с этого времени, без конвоя, не пускали его. Только раз, и в последний, — урвался старый с глаза: „От Пилюгинского мы все по перелазу за волком метнулись“, — рассказывал Василий Николаевич— Игошку он послал за нами же; мальчишка соблазнился, а на него тем временем шумовая вылезла. Показал старик и сам понесся на всех парусах, по обыкновению; затравил, и схватил лису за трубу, да как только взметнул ее на-отмашь, — Вьюга с Злорадом и хап на лету-то за уши! Повисли, свалили старика, и зверя на нем растянули.... Скачу, гляжу: а они дерут у него на груди лисенку, аж клочья шерсти летят, да кровича в лице ему брыжжет! Я было арапником, — отрыщ! отрыщ!... Куда тебе, так взъелся на меня старый, не приведи Господи! — Стой, не смей, прокляну, шкурятника!... Тебе жаль шкурки для

¹ {О.Т.} здесь речь опять идет о Н.Б. Нагаткине

отца?!.. Я хочу потоптаться, вдосталь натешиться, — это, может, моя последняя лисичка!..

И правда, была последняя... Вскоре и конь его сдох, как нарочно. Затосковал старина, похилел от горя, осунулся; на целые сутки заперся в кабинете, и, правда-ли, нет-ли, а говорят, что вышел оттуда с опухшими глазами... Привязан он был к своему коняге крепко! да и вообще, верховая езда составляла для него прямо потребность природы. — ездок он был лихой, безустанный, кавалерист, каких мало!... В бывалое время, он, только по крайней необходимости, и то в очень дальнюю дорогу, садился в экипаж, а то: в гости ли, в церковь ли — верхом едет — да и всюду... Так и потягивает меня рассказать, при воспоминании о его наездничестве, один характерный случай из жизни еще не старого Николая Борисовича:

Он был женат тогда, на Екатерине Дмитриевне Серебряковой, а покучивать не переставал еще, сумасбродничая на порядках. Так что жена его частенько прибегала к посредничеству Веры Борисовны Куроедовой, старшей сестры его, которую он любил, уважал и отчасти побаивался — за её светлый ум, доброе сердце и твердый, мужественный характер — Как-то, по жалобе Екатерины Дмитриевны, Куроедова вызвала к себе братца, письмом. Тот прискакал в село Куроедово¹, за 12 верст, верхом по обыкновению, и застал сестру в разговоре со старостою на крыльце с перилами, обшитыми тесом. Та, чуть дав взойти, сразу накрыла его: принялась урезонивать, стыдить и пугать, то со слезами то с бранью, но до того красноречиво и убедительно, что братец покраснел, ошалел и засуетился, отступая бессознательно к перилам, за которые привязан был конь его.

— Ну-ну, Вера! ну, пила-рыбница! полно-полно.... Не буду, не буду, ей-богу, не буду!... Прости, прощай!..

И дед вскочив верхом на перила, дал им шенкеля, и ну — лупить нагайкой!

— Ну, милый!... Прости, Вера! — Не буду, не буду.... завтра приеду, буду.... не буду!...

Совершенно зарапортовался братец, все понукая перила.

— Сумасшедший! помешанный! Взгляни, на чем сидишь-то?..

— Ах, чёрт-дри!... дурак-драк.... И сконфуженный куралес, молодецки перемахнув с перил на седло, умчался, провожаемый хохотом строгой сестрицы и сдержанным фырканием старосты: — „Не мог, сударь, утерпеть; уж таково смешливо вышло эфто! — заключил последний, досказывая мне сей анекдотец, — подтвержденный и моим родителем.

Как видите, дед был *верчен* до крайности. Однако же, при всем том никогда не терял присутствия духа, в серьезно-опасных случаях, не суетился и не ветреничал. Вот и пример: загорелся у него дворовый порядок ночью: *булга*, разумеется, страшная; перепуганный люд галдел и метался без толку, как овцы от волка! Вышел дед на крыльцо, понюхивает из табакерочки, да бурчит себе под усы:

А-а! хорошо-хорошо! рад-рад!... Пусть горят, скоморохи (так звал он дворню), мне не жаль, — избы мои; все равно дам лесу.... не жаль! а рад-рад: всё моё краденое, все ложки, плошки, штаны, хомуты, лукошки, — все-все сгорит! Огонь все очистит и совесть их очистит: им же легче и мне лучше... А лесу не жаль, дам... Рад-рад!...

¹ с. Куроедово — Троицкое, в 25 вер. от Бугуруслана. Теперь принадлежит наследникам Веры Борисовны; а у неё было три сына женатых и девять дочерей, из которых одна только не замужняя. В настоящее время, там 7 домов наследников Куроедовой. В будущих охотничьих эскизах коснемся кое-кого и из них.

– Николай Борисович! что это ты, опомнись, друг мой! Да ведь наш дом рукой подать от пожара, и крестьянская улица через проулок только! Перестань чудить, голубчик, — помоги: вели дом-то обливаться, да крайние избы ломать..,— всхлипывала Екатерина Дмитриевна.

— Дура-баба! врешь с перепугу: дом от ветра; вот: крестьянам помочь — время; помочь можно и должно; только ломать не надо: Избы ломать, солому сносить — пожар кормить. Гей! тащи из барского дома и от крестьян все ковры и кошмы, озямы, шубы — живо! Мочи в Кинели и колодцах, — крой за проулкомъ первую крышу и стену, потом другую; да смотри за галками, — на каждую крышу — парня с ведром! Не суетись, да — скоро! не ори, да — с толком!..

Через час пожар был потушен.

Крестьяне искренно любили деда; да нельзя было не любить. Он такие давал им льготы и послабления, к досаде соседей, что через это разорился даже скорее, чем бы следовало. Хотя он не принимал решительных мер для выхода из тогдашних отношений к крестьянам; но, по убеждениям, был вовсе не крепостник. Враг всякой неволи, — он и это выражал по-своему, на особый лад:

— Смотреть не могу: на зверя в цепях, рыбу в сетях, птицу в клетке и нашего доброго мужичка в ежовых барских рукавицах! — Острогом пахнет.

— А ваш скворец в клетке?

— Добавь — в растворенной. Держу только тех, что и выпущу, да сами вернутся; значит, им понутру такая неволя, — привольнее.... Знаешь ли: я смертный охотник был с соколом; но потому забастовал только, что душу мне коробило, глядя на выноску этой птицы — эмблемы свободы и удали!... Как подумается: что если бы меня этак же на цепуру, да под красный колпак?!.. Так даже мурашки в груди заползают...

Уж коли на то пошло, изменю слову охотничьему, коснусь слегка и служебной характеристики покойного после военной отставки.

Был он исправником и посредником по размежеванию. Ознаменовал себя погоней за известным в нашем краю разбойником Апопейкой, своеобразной расправой с конокрадами и оригинальной официальной переписки....

В одно смутное время губернатор в предписании к нему выразился слишком уже кратко: «наблюдайте и доносите о всех свободно говорящих дворянах, вверенного вам уезда...».

— У меня в уезде все свободно говорящие, кроме помещика Татарова, — отвечает Николай Борисович рапортом. Начальник губернии встревожился, да, кстати, и до этого еще собирался в Бугуруслан, потому, прискакал немедля, и прямо к Нагаткину, как к доброму знакомому, где случайно застал в гостях и Татарова.

— Вот, В. П., кстати, и Татаров, о котором я писал вам, — рекомендую!

— Че-че-есть им-мммм... замычал не свободно-говорящий заика... Ну, конечно, все кончилось шуткой.

Жаловалась ему сестра на братьев — сонаследников, при выделе части земли. Нагаткин напустился на них.

— Да мы ведь по закону, — четырнадцатая часть....

— Для вас закон не писан! Сестра — же, вдова умная, да детей чуть не две дюжины. Значит, вы, холостые оболтусы, должны выделить ей не по писанному, а по закону природы — поровну.

Такими безапелляционными аргументами дед убедил-таки братьев, и склонил на любовную; но плут — землемеришка помирволил младшему братцу-сутяге. Дед накрыл на землемера:

— Слушай, цыркуль! лучше кончим мирно; сейчас же признайся: где и на сколько сажень споткнулся? Честное слово — прощу, только вытолкаю. А не то, пошлю за племянником Петром (Куроедовым); тот ведь проверит пунктирно. Ну, тогда, чур, не пеняй; суду не предаю — жену и детей жаль, — а своеручно начерчу тебе препунктирную ситуацию на *ланите!*... И цыркуль повинился, унося свои кичливые ходули без оглядки. Э, да всего не перескажешь разом! Дед долго жил, немало начудил плохого и хорошего. — Пора хоронить старика.

Умер Н. Б. Нагаткин на исходе седьмого десятка; от чего, — Бога спросите. Говорят, от французских ран 12-го года, говорят, от водянки, говорят, от старости... Опочил тихо, в совершенной памяти. И при последнем вздохе его, любимица — Вьюга, лежавшая в ногах, судорожно привстала, осмысленно-тоскливо вперила чудные глаза свои в умирающего хозяина и, дрожа, завывала точно человеческим голосом! — За ней-вся псарня хором.

И болел не долго. Только перед смертью, собирался все окуньков поудить... Помилуй, мой друг! ты так слаб, пошевелиться не можешь, — уговаривала бабушка. — Поправься немножечко, а тогда...

— Ну, хорошо-хорошо! Не пойду Катя! Вели только поставить перед кроватью наш старый чан — сорокоушу и налить полный водой из Кинеля.

Зачем это голубчик!.. Уж не купаться ли задумал?!.. Но доктор....

— Дура-дура! не понимаешь. Вася наловит мне окуней кругом, посадит в чан, набросает червей... А мне подай вон ту блесёнку, с коротким удилищем... Попробую в последний раз!

Последнее слово его было — каламбурная выходка о курносой, т. е. о смерти: что она вовсе не так страшна, как ее малюют; что есть курносые живые гораздо страшнее и смешнее смерти, например: вот такие- то....

А со мною последняя беседа его была «об охотничьем положении», — составляемом Н. Н. Самойловичем. Сначала он, обыкновенно, поглумился без зла над многоглаголивым Гетманом; но потом благоразумно признал великую пользу такого предприятия. — Да-да!.. «Законы охоты» — штука добрая, добрая, только больно мудреная: много милосердия надо, милосердия к зверю и человеку — поровну!... А наш Самойленко гнет все нам, мирволить!... Подождем лучше Екатерину, — не вторую, а другую.... Пока же тетка, по-моему, — знай только время, место и способ, — охоться на все, кроме людей; их не бей. Каина можно — он не человек; и то, когда сам за горло схватит, да убежать нельзя... тогда убей и панафида не служи, — Бога обидишь....

Надо же честь знать, наконец. — До свидания, господа охотники! Если не надоскучил — откликнитесь; еще потолку охотно.

Н. Б. Куроедов.

¹ {О.Т.} Согласно записи в Метрической Книге Троицкой ц. села Куроедова 31 октября 1857г. «умер деревни Нагаткиной ротмистр и кавалер Николай Борисов Нагаткин. Погребен 3 ноября в церковной ограде».

75г. дек. 16 ч. Уфа¹.

**Приложение:
Значения некоторых старинных слов и охотничьих терминов.**

Бекáс — небольшая птица с очень длинным, прямым и острым клювом. Небольшой кулик размером примерно с большого пёстрого дятла.

Тавли́нка – плоская табакерка из берёсты.

Угонка – это настижение зверя борзыми и поворот его в сторону. «Собаки «ломают» зверя - дают ему угонки».

Синтявка – (уклейка), мелкая рыбёшка.

Отпазанчить - отрезать у затравленного зайца пазанки – части ног до коленного сустава (в речи охотников).

Фузея — тип кремневого гладкоствольного дульнозарядного ружья.

Пословица: *Не ложкой, а едоком*; не лошадью, а ездоком.

Неттигели, веретенники – род куликов из сем. ржанковых (см.) с очень длинным, мягким, прямым или слабо изогнутым кверху клювом.

Ёрик — узкая протока.

Себелёк - мелкая речная рыбка.

Осокорь – один из видов тополей, дерево с мягкой древесиной.

---

¹ {О.Т.} После бракосочетания в 1873 году Н.Б. Куроедов с женой несколько лет жили в Уфе на съёмной квартире вблизи Спасской церкви, о чем свидетельствуют записи в исповедных ведомостях. Там, по-видимому и была написана эта статья.

Пуделять – бить мимо цели, не попадать, мазать, стрелять в молоко, промахиваться.

Парата – наглая, бойкая, сильная, решительная.

Ергак – шуба из жеребьих шкур, шерстью вверх.

Et cetera – латинское выражение, означающее «и другие», «и тому подобное», «и так далее».

Урема - мелкий лес и кустарник, растущий в низменных долинах рек.

Жерлица – рыболовная снасть для ловли хищной рыбы (главным образом щуки, крупного окуня). Состоит из прочной лески с металлическим поводком, намотанной на рогульку; насадка — живая рыба.

Верченый – ветреный, взбалмошный.

Булга –ж. симб. склока, тревога, суета, беспокойство.